

Раздел 1. Проблематика и поэтика мировой литературы

УДК 821.14

doi 10.17072/2304-909X-2021-13-5-11

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ БОГОСЛОВСКАЯ ШКОЛА КАК ТИГЕЛЬ ИДЕЙ И ТЕОРИЙ

Александр Юрьевич Братухин

д. филол. н., доцент кафедры мировой литературы и культуры
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15
Bratucho@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 13.10.2021

В статье показывается место александрийской богословской школы среди других школ в раннем христианстве (антиохийской, эдесско-нисибийской, «североафриканской»), рассматривается её вклад в формирование церковной литературы (её стиля, жанров, образности и т. д.), догматики, терминологии. Приводятся в систему факты усвоения представителями этой школы научно-теоретического наследия Античности в области философии, литературы, риторики. На примере цитат из сочинения Климента Александрийского демонстрируется стремление этого автора соединить античную и библейскую традиции (но несколько иначе, чем это делал Филон) и стать для читателей наставником в различных областях науки. Одной из целей Климента было осуществление синтеза библейского Откровения и античной традиции.

Ключевые слова: раннее христианство, Античность, александрийская школа, Климент Александрийский, античная наука.

В поздней Римской и её наследнице Византийской (Ромейской) империи было три основных христианских богословских центра: Александрия (представители: Климент, Ориген, Каппадокийцы, свт. Кирилл; близок этой школе и прп. Максим Исповедник¹), Антиохия (представители: Диодор Тарсийский, Феодор Мопсуестийский, свт. Иоанн Златоуст, блаж. Феодорит Киррский) и Северная Африка (представители: Тертуллиан, Минуций Феликс, свмч. Киприан, Арнобий, Лактанций, блаж. Августин), где некая школа возникла только при последнем из перечисленных авторов. Специфическими чертами александрийской школы являются влияние платонизма, аллегоризм, акцентирование во Христе божественной природы; для представителей антиохийской

школы характерны «историзм» и «симметрия» в христологии [Сидоров 2002: 525–530]: «антропологический минимализм» некоторых александрийцев можно противопоставить «антропологическому максимализму» антиохийцев [Флоровский 1933: 7, 11]. Эдесско-нисибийская школа (Ефрем Сирий) [Аверинцев 1987: 333] во многом является продолжательницей и наследницей антиохийской. По словам Г. Флоровского, «это была школа семитского типа, вроде еврейских школ, – школа-общезитие, некое братство» [Флоровский 2006: 287]. Климент Александрийский стал первым христианским автором, осуществившим в своих трудах синтез христианского содержания и античной формы, наследником эллинистического иудаизма и классической литературы. Согласно Краузе², у Климента Александрийского насчитывается 966 цитат из древнегреческой литературы – в три раза больше, чем у Иустина, Татиана, Афинагора, Феофила, Ириней, Ипполита Римского, Оригена, Минуция Феликса и Тертуллиана вместе взятых [Krause 1958: 126]; его труды изобилуют классическими аллюзиями, реминисценциями, парафразами.

Зависим от языческой литературы, в частности, от Второй софистики, и стиль ранних александрийских авторов [Herrero de Jáuregui 2008: 23]; как и Платон, Климент заявляет о стремлении к простоте речи (Strom. II, 1, 3, 1).

Лексика и образы классической литературы широко заимствовались христианскими авторами-александрийцами. Так, например, в своей написанной гекзаметрами поэме свт. Григорий Великий, говоря о рискованности и трудности рассуждения о Боге, использует слова из «Одиссеи»: «Знаю, что на плоту (σχεδίῃσι) мы проходим (ἐκτερόωμεν) по морю путь длинный, / Или на малых крылах (πτερύγεσσι) устремляемся к звездному небу (πρὸς οὐρανὸν ἀστερόεντα) <...>» (Greg. Naz. Carm. dogm. 1–2). Словосочетание πρὸς οὐρανὸν ἀστερόεντα встречается у Гомера (Od. XI, 17). На плоту (σχεδίῃ), отправиться в путь на котором Одиссей сперва боялся (Od. V, 174, 177), он уплыл от нимфы Калипсо к феакам. Это слово, кроме упомянутых мест, появляется в поэме 12 раз. Глагол ἐκτερίω в «Одиссее» находим трижды (Od. VII, 35; VIII, 561; IX, 323). Форму πτερύγεσσι обнаруживаем в «Илиаде» (II, II, 462)³.

Философская терминология широко заимствовалась христианскими авторами: например, свт. Василий Великий *первую* и *вторую* сущности, о которых писал Аристотель, просто заменил словами *сущность* и *ипостась*.

Некоторые авторы перенимали даже идеи, популярные в Античности. Например, идея цикличности в учении Оригена. Наличие так называемого «кападокийского синтеза» подтверждает умение и способность богословов александрийской школы усваивать и продуктивно использовать наследие совершенно различных направлений (Аристотеля, Оригена, Староникейцев и др.) при создании своей богословской системы.

Заимствуются жанры, напр., «увещевание», «строматы», а также привлекаются исторические и иные факты (информация о мистериях, мифах, артефактах – статуях, храмах).

Наиболее интересным, однако, представляется то, что александрийские авторы начали системно излагать античные теории. Климент Александрийский пишет: «Одноименные <лица и предметы> пользуются одним и тем же названием, логос же у них разный, как например, человек – это и живое существо и нарисованное. Из одноименных <лиц и предметов> одни омонимичны случайно ($\tau\alpha\ \mu\acute{\epsilon}\nu\ \acute{\alpha}\pi\omicron\ \tau\acute{\upsilon}\chi\eta\varsigma$), как Аякс локриец и Аякс саламинец, другие же умышленно ($\tau\alpha\ \delta\grave{\epsilon}\ \acute{\alpha}\pi\omicron\ \delta\iota\alpha\nu\omicron\iota\alpha\varsigma$); а из этих одни – по сходству, как человек – это и живое существо, и нарисованный портрет; другие – по аналогии, как “стопы <горы> Иды” и наши стопы из-за того, что они находятся ниже <остального>; иные – по действию, как стопа корабля – то, с помощью чего корабль плывёт, и стопа наша, с помощью чего мы движемся. Одноименными <лица и предметы> называются <, если они> от одного и того же и для одного и того же, как книга врача и скальпель – <называются> “врачебное” от использующего <их> врача и для одного и того же – врачебного дела» (Strom. VIII, 8, 24, 8–9, ср.: *Ammon. In Arist. Categ. comm.* 21–22 P.). Такие изложения сильно отличаются от описаний богов и пересказа мифов. Подход, напоминающий методiku Климента, обнаруживаем в 1-й части «Источника знания» прп. Иоанна Дамаскина – в «Философских главах». Для сравнения приведём рассуждения Иустина Мученика: «Кто из разлагающих силлогизмы, разрешающих двусмысленности, объясняющих этимологии или из <проясняющих> одноименное, соимённое, предикаты и аксиомы, что есть подлежащее, а что – сказуемое, <кто из тех, которые> обещают этими и подобными словами сделать своих учеников счастливыми, является столь очищенным душою, чтобы, вместо того, чтобы ненавидеть врагов, их любить...» (*Athenag. Leg.* 11, 3). Здесь элементы античной теории привлекаются ради того, чтобы подчеркнуть основную мысль автора. У Климента – для того, чтобы научить читателя: церков-

ные писатели-философы начинают рассматривать себя не только в качестве защитников христианства, но и в качестве учителей и наставников в светских науках.

Наиболее значимый вклад в триадологию и христологию внесли Отцы, принадлежавшие к александрийской школе: с одной стороны, свт. Афанасий Великий и каппадокийцы (Григорий Великий и Василий Великий), с другой – свт. Кирилл Александрийский, прп. Максим Исповедник.

Рассказ Платона о новых вождедениях, что захватили (κατέλαβον) пребывающий пустым (κενήν) акрополь души (τῆς ψυχῆς) молодого человека, приведённой в порядок (κατεκοσμήθη) после выдворения из неё прежних вождедений (Plat. Res. VIII, 560a–b), вызывают в памяти слова Христа об изгнанном из человека нечистом духе, возвращающемся в незанятый (σχολάζοντα), подметённый и прибранный (κεκοσμημένον) дом и захватывающем (παραλαμβάνει) с собой семь других духов (Мф. 12:43–45). Климент не только подмечал такие классические реминисценции в Священном Писании, но старался сделать их лексически более близкими к античным текстам. Например, в «Пророческих эклогах» он советует: «<...> не следует опустошать душу (κενῶσαι τὴν ψυχὴν), но наполнять её Богом. <...> Ибо возвращается в очищенный дом и пустой (ἐπάνεισι γὰρ εἰς τὸν κεκαθαρισμένον οἶκον καὶ κενόν), если ничего из спасительного не будет предложено, живший <там> ранее нечистый дух, взявший с собой других семь нечистых духов. Поэтому нужно, очистив (κενώσαντας) душу (τὴν ψυχὴν) от зла, наполнить <её>, являющуюся избранным жилищем, благим Богом. Ибо, когда пустое будет заполнено, тогда следует печать, дабы святое было сберегаемо для Бога (φυλάσσηται τῷ θεῷ)» (Clem. Alex. Ecl. 12, 6–9). Александрийский автор, передавая своими словами евангельский текст, более ярко высвечивает платоновскую реминисценцию: Евангелист Матфей, очевидно, не понявший, на какой текст намекает в Своей проповеди Христос, говорит об изгнании нечистого духа *из человека*, Климент вслед за Платоном пишет об изгнании беса *из души*; у евангелиста дом оказывается *незанятым*, у Климента – *пустым*. Платон утверждает, что занятие вождедениями акрополя души происходит из-за того, что «нет там ни знаний, ни хороших навыков, ни правдивых речей – всех этих лучших защитников и стражей (φύλακες) рассудка людей, любезных богам (θεοφιλῶν)» (Res. VIII, 560b, пер. А. Н. Егунова). Климент настаивает на необходимости охранять (φυλάσσηται) святое для вручения его Богу (τῷ θεῷ). Использование Христом платоновского образа объясняется, на наш взгляд, Его желанием сделать евангельский текст более близким для образованных греческих читателей. Преобразование же платоновской реминисценции

Климентом Александрийским имело целью не только вслед за Филоном «найти у себя “сходное с эллинами”» [Вдовиченко 2002: 29, 68; Вдовиченко 2016: 191], наглядно показать связь между Откровением и философией и повысить престиж библейского текста в глазах греков [Братухин 2016: 125–126] и , но и осуществить синтез библейского и античного. Этот синтез, по всей видимости, рассматривался Климентом⁴ как вклад в создание единой «истинной философии». Тут можно вспомнить его слова: «<...> варварская и эллинская философия неким образом разодрали вечную истину (τὴν αἰδίων ἀλήθειαν σπαραγμὸν τινα... πλοῖται) не мифологии Диониса, но теологии вечно сущего Логоса. Будь же уверен, что вновь собравший разделённое и соединивший его будет в безопасности созерцать совершенный Логос, Истину» (Strom. I, 13, 57, 6).

Представители самой древней и авторитетной христианской школы, используя для выражения своего учения средства, заимствованные из античной науки, «воцерковляя» классическую литературу и философию, становясь, по словам апостола Павла, «для всех всем» (1 Кор. 9:22), естественным образом оказались создателями как православной, так и инославной триадологии, христологии, этики, аскетики и др. Системы, созданные их западными (североафриканскими) и восточными (антиохийскими) коллегами, не имевшими за своими плечами такой мощной традиции, всегда оказывались менее глубокими, более простыми и ограниченными.

Причинами такого успеха Александрийской школы, восходящей к Филону, стали богатая культурная база этого основанного македонским завоевателем города и соединение здесь различных (иудейской, эллинской, христианской и др.) традиций.

Примечания

¹ «Всего сильнее чувствуется у него влияние Каппадокийцев, особенно Григория Богослова. В аскетике и мистике он исходит из Евагрия и примыкает к Ареопагитикам. Он продолжает идти по пути древних Александрийцев...» [Флоровский 1933: 198].

² Согласно Г. Глокманну – 734 цитаты [Glockmann 1968: 7]),

³ ἢ με κέλει σχεδὴ περὰν μέγα λαῖμα θαλάσσης (ε, 174).

ἢ <φορτίς> τ' ἐκπεράει μέγα λαῖμα (θ, 323).

οὐθ' ὀπὸτ' ἂν στείχησι <Ἡέλιος> πρὸς οὐρανὸν ἀστερόεντα (κ, 17).

⁴ Для Климента, по словам Дж. В. Баттерворта, христианская традиция имела два первоисточника (fountain-heads) – Израиль (пророков) и Грецию (философов) [Butterworth 1915: 69].

Список литературы

- Аверинцев С. С.* От берегов Босфора до берегов Евфрата / пер., предисл. и коммент. С. С. Аверинцева. М.: Наука, 1987. 349 с.
- Вдовиченко А. В.* Дискурс–текст–слово. Статьи по истории, библеистике, лингвистике, философии языка. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского института, 2002. 288 с.
- Вдовиченко А. В.* Казус «языка» Септуагинты и Нового Завета: Лингвистический метод «за» и «против» авторов. М.: изд-во ПСТГУ, 2016, 288 с.
- Братухин А. Ю.* Рождение стиля христианской литературы (Климент Александрийский и Тертуллиан): дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2016. 370 с.
- Сидоров А. И.* Богословские школы Древней Церкви // Православная энциклопедия. Т. 5. С. 525–530.
- Флоровский Г.* Восточные Отцы IV века. Белорусского Экзархата, 2006. 239 с.
- Флоровский Г.* Византийские Отцы V–VIII. Париж, 1933. 260 с.
- Glockmann G.* Homer in der frühchristlichen Literatur bis Justinus // Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur. 1968. Bd. 105. XIX, 214 S.
- Krause W.* Die Stellung der frühchristlichen Autoren zur heidnischen Literatur. Wien: Herder, 1958. 320 S.

THE ALEXANDRIAN THEOLOGICAL SCHOOL AS A MELTING POT OF IDEAS AND THEORY

Alexandr Yu. Bratukhin

Doctor of Sciences in Philology, Associate Professor
of Department of World Literature and Culture
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15
Bratucho@yandex.ru
Submitted 13.10.2021

The article shows the place of the Alexandrian theological school among other schools in early Christianity (Antioch, Edesa-Nisibian, "North African"), examines its contribution to the formation of church literature (its style, genres, imagery, etc.), dogma, terminology. The facts of assimilation by representatives of this school of the scientific and theoretical heritage of Antiquity in the field of philosophy, literature, rhetoric are brought into the system. The example of quotations from the work of Clement of Alexandria demonstrates the desire of this author to combine the ancient and biblical traditions (but somewhat differently than Philo did) and to become a mentor for readers in various fields of science. One of Clement's goals was to bring about a synthesis of biblical Revelation and ancient tradition.

Keywords: early Christianity, Antiquity, Alexandrian school, Clement of Alexandria, ancient science.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Братухин А. Ю. Александрийская богословская школа как тигель идей и теорий // *Мировая литература в контексте культуры*. 2021. № 13 (19). С. 5–11. doi 10.17072/2304-909X-2021-13-5-11.

Please cite this article in English as:

Bratukhin A. Yu. Aleksandrijskaya bogoslovskaya shkola kak tigel' idej i teorij [The Alexandrian Theologixal School as a Melting Pot of Ideas and Theory]. *Mirovaya literatura v kontekste kultury* [World Literature in the Context of Culture]. 2021, issue 13 (19), pp. 5–11. doi 10.17072/2304-909X-2021-13-5-11